

АННА **И** СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Бездна с мягкими стенами

В их руках — ваше безумие

Анна и Сергей Литвиновы
Бездна с мягкими стенами
Серия «Знаменитый
тандем российского
детектива. Игры с разумом»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74180491

Бездна с мягкими стенами:

ISBN 978-5-04-250129-6

Аннотация

В психиатрической больнице, где диагнозы становятся приговорами, а лекарства – ядом, разворачиваются судьбы тех, кто осмеливается бросить ей вызов. Юный и дерзкий Филипп, мечтающий о сцене, из-за одной неосторожной фразы попадает в бездну с мягкими стенами, где его личность пытаются стереть. В соседнем отделении угасает богатая наследница Рита. Их отчаянная борьба за разум и свободу сплетается с тайным расследованием, которое ведет гениальный математик по кличке Кречет и его команда «знатоков». Смогут ли они разоблачить зловещий заговор и помочь Филиппу и Рите выбраться из ада или бездна поглотит их навсегда?

Роман Анны и Сергея Литвиновых открывает новую страницу в творчестве знаменитого тандема российского детектива. Это

захватывающая история о безжалостной силе, перемалывающей судьбы, о родительской самоотверженности и готовности пойти на преступление ради спасения ребенка, о любви, которая способна пробиться сквозь пелену безумия.

Содержание

Часть первая	7
Сюзи	12
Кречет	15
Эрик	19
Кречет	26
Доктор	29
Эрик	31
Филипп Меркулов	36
Доктор	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Анна и Сергей Литвиновы

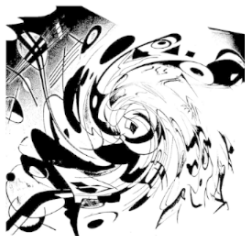
Бездна с мягкими стенами

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

*** * ***

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА
ИГРЫ С РАЗУМОМ

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

**Бездна
с мягкими
стенами**

МОСКВА

Часть первая

Ровно год назад, седьмого июня, дочь приезжала к ней на день рождения. Привезла бутылочку шампанского, торт, новые фотографии Мишенькины. Посидели по-семейному, тихо. Мать посетовала, что внука редко видит. Дочка вздохнула. Она бы и рада Мишутку к бабушке с собой взять, но муж не одобрял. Считал: слишком балует мальчика старуха. Изверг. Сам-то со всеми строг, с ее девочкой тоже. Замуж отдавала веселой хохотушкой, а сейчас редко-редко вместо смеха искристого – неуверенная улыбка. Но жили обеспеченно, крепко, без скандалов, за границу отдыхать ездили, поэтому теща их семью рушить не пыталась.

Представить не могла, что год спустя она свой день рождения встретит на кладбище. У могилы дочери любимой.

Памятник пока не поставили, только к кресту православному привинчен портрет, Юля на нем беззаботно улыбается. Зять хотел более серьезную фотографию, но мать настояла, что сама выберет. Когда-то ей казалось: нет на планете более лучезарного человека, чем доченька. Но сейчас долгие часы на кладбище проводила, присматривалась, видела: в глазах смеющихся, пожалуй, проглядывает печаль. Или кажется просто: с могильной-то фотографии странно улыбаться?..

Врач ее убеждал: болезнь у дочери давно подспудно развивалась. Если бы раньше обнаружили, может, и обо-

шлось бы. Юля действительно часто жаловалась, что не может уснуть. Тревожиться подолгу могла из-за ерунды вещей. И жила нервно. То носится, красится, полна идей, планов, то все неожиданно надоедало ей, начинала грустить. Но мать считала: просто такой характер. И в тяжелые периоды доченьку всегда холила, оберегала, утешала. А муж к Юлиным перепадам настроения строгий. Тоска не тоска – обед-ужин изволь подать.

Но в ее болезнь психическую мать поверить все равно не могла, сколько ни убеждали. Никогда раньше – и тем более сейчас, когда дочка руки на себя наложила. В юридическом крючкотворстве не разбиралась, но смогла настоять, чтобы обязательно судебно-психологическую экспертизу провели. Посмертную.

Следователь пытался убеждать: не положено. Назначают ее, только когда суицид совершенно здоровые совершают. А Юля наблюдалась у психиатра.

Но мать возмутилась:

– И что? У нас половина страны антидепрессанты пьет, только все живы!

– Да поймите вы, тут не просто депрессия – биполярное расстройство! Документально подтверждено!

– Все равно, – упорствовала, – я не верю.

Зять сказал, что дурыю мается. И очень возмущался, когда домой психолог приходила, Мишеньку тревожила – спрашивала его про маму.

В итоге раскопали эксперты, что давно быльем поросло. Когда в школе, в десятом классе, у Юли истерика случилась из-за «двойки» – и рыдала так безутешно, что пришлось скорую вызывать, успокоительное колоть. Учительница английского (с ней дочка частным образом занималась) пожаловалась, будто «девочка была очень нервной: то спад, то подъем». Плюс историю семьи разворошили, выяснили, что брат (Юлечкин дядя) депрессиями страдал, то бишь наследственность примешалась.

В итоге диагноз подтвердили. И обстоятельства, при которых трагедия случилась, сомнений не вызывали. Дочка находилась в квартире одна, сын в садике, муж на работе. Версию, что «помог» кто-то, даже не рассматривали: никаких следов посторонних, ничего подозрительного – и отпечатков чужих нет, только окно распахнуто. Уголовное дело возбуждать отказались. Вчера следователь сообщил: выдал вдовцу постановление. И ей посоветовал: принять. Смириться. Хотя и добавил:

– Возможно – я повторяю, только возможно! – ваш зять действительно виноват. Но только в том, что недоглядел, не забеспокоился, не почувствовал, что она в депрессию скатывается. Подобное случается. Тем более скрывать свое состояние Юля умела.

– От любящего человека-то зачем скрывать? – вырвалось у матери.

– Сами знаете. Чтобы в больницу не попасть. Далеко не

все психически нестабильные готовы принять, что им необходимо лечиться.

Юленька признавала, что от таблеток ей лучше. Но «дурку», где единожды побывала, называла адом ужасным. Сбежала оттуда через неделю.

Хотя зять, со слов врача, «пел»: надо ей тогда было курс лечения до конца пройти.

И что, будь сейчас Юля под стационарным наблюдением, не случилось бы никакой трагедии.

Мать была уверена: на самом деле он рад, что избавился от «неудобной» жены. Все силы, негодяй, прилагал, чтоб Мишенька как можно быстрее маму забыл. Вещи Юлины выбрасывал, в доме – ни одной ее фотографии. И мальчику наверняка мозги промывает: не хнычь, ты мужчина, а мама – сама виновата.

Не удержалась – прямо отсюда, с кладбища, позвонила внуку. Тот болел, в садик не ходил и очень ее звонку обрадовался:

– А то мне страшно дома одному.

– Папа-то где?

– С работы пока не пришел.

Вот да. Любящий отец. Перевелся вроде бы специально для сына на полставки, только времени – пять часов, а мальчонка пятилетний один в квартире сидит.

Бабушка долго болтала с внуком. Даже танк рисовали вместе: она тоже калякала веткой прямо на песке, что усыпал

могилу.

А зять – Юлин вдовец – в это время торопливо шагал по тропинке Лосинового острова. Его уже ждали: навстречу со скамейки поднялся мужчина. Молча протянул руку. Спросил:

– Ну как?

– Все хорошо. Уголовное дело возбуждать не стали.

И вынул из внутреннего кармана пухлый конверт:

– Как договаривались. Тридцать тысяч «зеленых».

Будь при этой встрече Юлина мама – очень бы удивилась, потому что собеседника зятя она тоже прекрасно знала.

Сюзи

Сюзи регулярно попадала в психушки с двенадцати лет, но считала: и здесь можно жить нормально. Особенно когда за тебя бабло кидают. А у нее хороший спонсор имелся. И персоналу заносил, и дополнительные процедуры оплачивал.

Электросон – забава на четверочку, хотя интересные видения иногда тоже приходят. Зато экспериментальная «майнд-машина» – полная круть. Очки как в компьютерной игре и наушники топовые, с полным отключением от реальности. Перед глазами – картинки-узоры, словно в калейдоскопе; в ушах – то писк, то вой, то рокот волн. Отлетать можно капитально, будто шампусиком хорошо закинулась. Хотя официально – полный кринж – считалось, будто устройство с зависимостями бороться помогает. Провоцирует выработку какого-то там полезного нейромедиатора.

Спонсор у Сюзи – удобнее не придумаешь. Родной братик. Сашка. Старше на восемь лет.

Дома и на районе он считался стремным типом, отсидел за кражу. Их пафосная мать тогда на суде заявила: «Не имею дела с ворами».

Санек с ней с тех пор и не контактил. Зато за Сюзи, любимую сестренку, всегда вписывался и проблемы ее разруливал.

Посещений в детской дурке нет: типа, нельзя нежную психику травмировать воспоминаниями о доме. Но брат, когда в Москву наезжал, правильным людям всегда башлял и в больничку просачивался.

Сегодня совсем внаглую смог – до обеда, даже врачи не разошлись.

Санитар после «майнд-машины» Сюзи подкараулил, толкнул в пустую надзорную палату, дверь ключом-гранкой запер снаружи. Она привычно прикололась – башкой пару раз стукнула в обитую мягким стену. В целом не больно, и шум в мозгу потом приятный. А дальше Саня подтянулся. В белом халате – типа доктор.

Братик ее диагноз отрицал начисто, хотя сама Сюзи не была настолько уверена. Но что он ей сочувствовал – всегда умело использовала. Передачи с него качала, процедуры, опять же, платные. А когда совсем задерет в дурке сидеть – Саня всегда ее лечащему за ремиссию готов задонатить.

Сейчас приближалось полнолуние, и ей очень хотелось ночь, когда с неба будет улыбаться огромный яркий диск, провести не в душной палате, а в ночном парке под шелест ветра.

Поэтому, когда Сашка спросил, за что на этот раз замели, привычно перевела стрелки на мать:

– Она с новым кентом сейчас мутит, ну и запхала меня сюда, чтобы не напрягала их.

Саня мгновенных решений сроду не принимал – сначала

в голове крутил долго. Сейчас тоже – прилег на надзорную койку, прикрыл глаза, сделал коммент вроде как не по делу:

– Жесткая. Матраса словно нет.

– А, неадекватам сойдет. В палатах нормальные. Я высыпаясь.

– Выглядишь, кстати, годно. – Взглянул оценивающе.

Сюзи кокетливо улыбнулась. Она (на его же монеты) давно себе завела целую коллекцию стильных халатов для больницы.

Брат сказал:

– Я недавно подкаст слушал. У вас, зумеров, что ли, мода теперь такая – «дуркинг»? Специально в психушку, чтобы никаких проблем. Правда?

Сюзи хмыкнула:

– В целом да. Удобно, когда за тебя все решают. И школа здесь чепуховая. И мать мозг не компостирует.

Но не забыла обиженным тоном добавить:

– Только я не психическая ни разу. Мамашке просто хата чистая нужна, сам, что ли, не знаешь?

– Лан. Я пока в городе, заскочу к вам на квартиру. Наеду на нее. Чтоб поскромнее была. Иди собирай манатки. Сейчас отчалим. С доктором перетру.

Кречет

К двадцать седьмому заказу за день у Кречета конкретно мутилось в глазах. Хотя никто не заставлял хватать все возможные – по своей инициативе набрал. И не потому, что много денег нужно. Круговерть и работа под давлением давали возможность не думать, выключиться из реальности и тупо наслаждаться полетом: птица кречет, в честь которой кличка, пикировала на скорости до двухсот девяти, а свою ямаху XJR1300 он до двухсот шестидесяти разгонял. На три километра в час быстрее, чем официально признанная максималка. Поэтому и любил, в отличие от прочих курьеров, брать загородные заказы: областные гаишники не чета московским, поймать его даже не пробовали.

И вот наконец двадцать седьмой. Последний за день. В пакетах, похоже, что-то скучное: бутылки не звенят, испанский окорок ароматом не исходит. Хотя заказ из дорогущего супермаркета и домик у заказчика совсем не бедный. Обычно в таких прислуга встречает, но когда он позвонил в домофон, мужской голос попросил виновато:

– Можете в дом занести? А то у меня нога травмирована.

– Не вопрос, – отозвался Кречет.

Ямаху бросил под забором, предупредил:

– Не скучай. Скоро буду.

На работе посмеивались, что он с железкой беседы ведет,

но Кречет отмахивался:

– Да девочка моя поумней, чем вы все!

Почему-то, едва купил, сразу решил: пусть выглядит мотоцикл навороченным хищником, но душа у него женская. Тонкая.

Прошел по аккуратной аллейке к особняку. Хозяин – мужик лет сорока – ждал в коридоре, опирался на костыли.

– Вас не затруднит отнести на кухню?

– Не вопрос. Могу и разгрузить, если надо.

– Пожалуйста. Буду очень благодарен.

Молодец дядька. Вежливый. Хотя Кречет давно не обижался, что курьера не считают за человека. В целом правильно. Профессии вымирать пора: на улицах, в магазинах все больше появляется роботов.

Раскрыл пакеты, йогурты расставил в холодильнике, макаронки, рис положил, куда показали, – в шкафчик.

– Может, чаю попьем? – предложил неожиданно хозяин.

– Так не с чем, – хмыкнул Кречет.

– У меня пирожные имеются. Домашние.

– Сами испекли?

– Нет. Домработница.

Когда заказчицы – девчонки, его часто зазывали на чашку чаю. А мужики – предлагали по рюмочке. Кречет всегда отказывался. И сейчас попробовал. Но хозяин взглянул проницательно:

– Вы ведь устали сегодня. Да и мне хорошо: компания.

– Поговорить с кем-то надо?

– Нет. Отвлечься. А то весь мозг сломал. – Кивнул на шахматный столик, где были фигурки расставлены. Статусные, как и весь домик. Из слоновой кости.

Кречет заинтересовался, стал разглядывать партию. Шестеренки, с его нынешней жизнью, изрядно заржавели. Однако из памяти выплыло:

– Белые ставят мат в один ход?

Хозяин заинтересованно спросил:

– И решение знаете?

– Конечно. Конь на d5.

Хозяин посмотрел на доску, сказал растерянно:

– Вот черт!

И смел решительно фигуры, заулыбался:

– Теперь точно не отпущу. Пока партию не сыграем.

– Я с любителями не быюсь, – отказался решительно Кречет. Неохотно добавил: – Мастер ФИДЕ. До гроссмейстера чутька недотянул.

– Да иди ты! – обалдел собеседник. И с искренним любопытством спросил: – А с образованием у тебя как?

В анкете, когда на работу устраивался, Кречет указал среднее. Но этого отчего-то захотелось поразить, поэтому ответил правду:

– Высшее. Мехмат МГУ.

– Вот это удачно я йогурты заказал! – потер руки его собеседник. – Мы как раз такого, как ты, и ищем.

– Зачем? В оргпреступности ходы некому просчитывать?

Хозяин расхохотался. Заливисто. А дальше деловито велел:

– Ямаху свою загони во двор. Разговор долгим будет.

Эрик

Одна смена у Эрика Шелепихина обходилась продюсерам в триста тысяч, зато хлопот сверх сметы он не доставлял и заковыристыми райдерами не грузил. Требования стандартные: отдельный вагончик да еда нормальная, негоже звездам употреблять кинокорм в пластиковых лоточках. Ну и художник по гриму – всегда его протеже. Лилька. Пусть та в десятку самых востребованных не входила, но ему лицо всегда рисовала правильно. Да и хорошие воспоминания с ней связаны.

Познакомились, когда был совсем зеленым юнцом, третьекурсником «Щуки». Лилька постарше и давно при деле. Прибыла в столицу из Заполярья и смогла за город зацепиться. Окончила театрално-художественный технический колледж плюс кучу дополнительных курсов, квартиру взяла в ипотеку, сотрудничала с крутым ток-шоу на ящике. Эрик там подрабатывал зрителем, а яркая, шустрая, обаятельная гримерша кружилась с пуховкой вокруг ведущего и главных гостей. И после «Снято, всем спасибо» он немедленно к ней подкатил. С наглой просьбой – стать художником-гримером на их студенческом спектакле.

– А что я с этого буду иметь? – улыбнулась она лукаво.
– Розы. Конфеты. И мою вечную благодарность.
Вздернула бровь:

– Ты там Гамлет, надеюсь?

– Если бы. Петя я. Купчик из «Леса».

– Это который сын Воскобойникова? – Она продемонстрировала эрудицию. И неожиданно добавила: – А что, похож. Есть у тебя в глазах какая-то тоска, надломленность. Бухаешь, что ли?

– Ну... как все. Неужели правда придете?!

– С одним условием...

– Все что угодно!

– Когда станешь звездой, про меня не забудь.

Конечно, он мечтал прославиться. С первого дня, когда совсем малышом впервые вышел на сцену. Но жизнь с каждым годом подрезала крылья. В «Щуку» попал с третьей попытки и только на платное. Все учебные годы твердо тащился в середнячках и даже в хвосте. Какой там Счастливец и тем более Несчастливец – ему Петьку-то дали только потому, что парень из основного состава в больницу попал.

Девчонки – Гурмыжская, Аксюша, Улита – страшно возгордились, что на их спектакле настоящий художник по гриму, и нагло требовали все внимание им. Но Лиля каждой уделила минут по десять, а с ним возилась полчаса. Шевелюру сделала всклокоченную, жалкую. С губами долго колдовала. Потому что рот, сказала авторитетно, у Пети должен быть вялый, безвольный. А напоследок сказала:

– Типаж, конечно, совсем не твой. Но лучше в пьесе Островского занятость, чем в сериалах с одинаковыми красав-

цами.

– Я красавец? – расправил плечи.

– Ты лучше, – ответила убежденно.

И слова ее добрые грели весь спектакль – отыграл роль вдохновенно, даже вечно недовольный мастер благосклонно улыбался.

Но когда спустя пару месяцев попробовал снова на студенческий спектакль заманить, отрезала:

– Все, Эрик, хватит. Я благотворительностью не занимаюсь. Мы ведь договорились. Когда прославишься – тогда и зови.

Неужели действительно в него верит?

Все остальные давно отступились.

Горячая убежденность случайной знакомой отчасти поддерживала.

Когда служил в детском театре на окраине Москвы, бесконечно подрабатывал Дедом Морозом, мерз в массовках и гордился жалкими эпизодиками.

К двадцати пяти Эрик готов был окончательно признать: карьера не задалась. Пошел на курсы компьютерные: нужно было получать, как и советовали когда-то родители, нормальную профессию. Что его видеовизитки во многих агентствах остались, даже забыл. Сколько лет лежат – толку ноль.

А в двадцать шесть ему предложили первую роль. Настоящую. С упоминанием фамилии в титрах.

Удивительно устроен актерский мир! В нем самом – ниче-

го не изменилось. Отыграл рольку с тем, что и раньше умел. Но почему-то лишь сейчас заметили: парень-то не просто фактурный, а с прекрасной школой. Ну и никаких закидочнов – милый, непьющий, коммуникабельный (по двум последним пунктам он умело притворялся).

И понеслось. Попал в струю.

Нынче у него личный агент и график расписан надолго вперед. Слишком смело утверждать, что всей страны секс-символ, но у подъезда нет-нет, а наталкивался на поклонниц. Когда размышлял про собственный жизненный путь, про себя усмехался: из того самого купчика Петю Воскобойникова из студенческого спектакля похоже. У Островского это за кадром, но, по логике событий, следует: сын бессловесный до поры прислуживает папаше, а потом весь бизнес унаследует и совсем другим человеком станет.

Так и у него получилось. Только без отцовских денег и чьей-то помощи: всего сам добился.

Лиле Эрик позвонил, когда получил первую премию на престижном фестивале. Весело молвил:

– Хочу должок отдать. Как у тебя с занятостью?

Растерялась:

– Ну... нормально.

– Не бросила профессию?

– Нет. По-прежнему на ящике кисну.

– К черту его. Сериал, «мотор» через неделю. Двадцать четыре смены. Обычная ставка – пятнадцать штук, но я для

тебя у продюсера двадцать выбил. Почти как в рекламе будешь получать.

И вот тут она растерялась. А Эрик сразу понял: с телевидения и всех вероятных халтурок имеет Лиля гораздо меньше. Тогда вдвойне приятно: красиво закрыть гештальт.

Встречи ждал почти с нетерпением. Помнил-то миниатюрную, эффектную, острую на язычок, с парой смелых татуировок и синими прядями в волосах. Увы, пятнадцать лет – только для мужчины ничто, а для женщины – настоящая пропасть.

Лилька, к счастью, не потолстела. Но глаза очертили морщинки, сразу понятно: на гламур с косметологами возможностей нет. Одета без намека на вызов, в серо-черное; татуировки свела, волосы тоже стали скучные, каштановые. Бабы бы у подъезда сказали: «Остепенилась». Эрик подумал: «Как жаль».

Спросил:

– Чем живешь? Замужем?

Дернула плечом:

– Нет. Не мое.

– А детей завела?

– Сын.

– Большой?

– Школьник. А ты женат?

Улыбнулся:

– Светскую хронику не читаешь?

– Не-а.

– А я тебе хотел жареный факт сообщить. Что как раз снова свободен.

– Нет-нет, – поспешно отозвалась. – За работу спасибо. Но подкатывать ко мне не надо. Я секс-символов не люблю. Эрик, по правде сказать, и не собирался.

Когда-то Лиля в его глазах надлом углядела, а сейчас он видел уставшую, почти угасшую женщину. Одну из миллионов. Обычную. Без перчинки. А он-то продюсеру клялся, что его протеже, художник по гриму, – чудо, бриллиант!.. И как специалист, и как женщина.

Но, к счастью, профессиональных компетенций Лилия не растеряла. Со спецификой именно киношного грима тоже оказалась знакома, а чего не знала – схватывала на лету.

И в быту себя вела очень правильно. Иные гримерши везде лезут, чуть ни лидером съемочного процесса себя считают. А Лилия всегда без излишнего панибратства и навязчивости.

За пару лет они отработали вместе на восьми картинах. Продюсеры сначала опасались, что новая художница по гриму, мать-одиночка, может им проблемы создать. Когда съемки, больничный, понятное дело, брать нельзя: весь процесс встанет. Но она ни разу не подвела. И в Беларусь ездила на две недели, когда понадобилось.

– А с кем сын твой? – спросил как-то Эрик.

– Он у меня самостоятельный парень. – Ее лицо осветила

истинно материнская гордость. – Один справляется.

– На руины небось возвращаешься? – подмигнул.

– Ну идеального порядка нет, – признала. – Зато всегда обед праздничный. И не какие-нибудь макароны. В интернете со всего мира рецепты выкапывает. Иногда такой фьюжн сварганит, что есть невозможно. Но все равно приятно.

– А сколько ему?

– В старших классах.

Эрика, пока в школе учился, одного дома отродясь не оставляли. И в институте ему доверия не было – после единственного раза, когда вместе с однокурсниками славно покуражились на «чистом флэту». Поэтому к сыну Лильки он заочно проникся уважением. Натуральный, вероятно, ботан-очкарик, если вместо разудалых тусовок в отсутствие мамы кулинарию народов мира изучает.

Кречет

Когда ты мотоциклист и гоняешь на скорости за двести, поневоле приходится быть фаталистом. Кречет тоже им стал. Считал: судьба его сама по жизни ведет – и ангел-хранитель шепчет на ушко, когда надо притормозить (ни разу не подвел!).

Поэтому встречу в особняке счел предначертанной. Вероятно, кто-то там наверху устроил, что у него последний заказ за день. Что шахматы на столе, да и хозяин роскошного жилища, в отличие от большинства богатеев, человек приятный.

Обычно-то в загородных домах ворюги да чиновники, а этот оказался психологом. Известным. Кречет вспомнил: на блог его когда-то наталкивался (больше полумиллиона подписчиков!) и даже прочитал нечто дельное. Подписчиком, впрочем, не стал: не любил, когда ему мозги правят.

Называть себя хозяин попросил «просто Максом», а предложение гостю сделал совсем неожиданное – вступить в их команду знатоков.

- Которые по телевизору? – опешил Кречет.
- Пока нет, но стремимся.
- А для чего вам это? Вроде и так при делах.
- Адреналин, – усмехнулся. – Отличная профилактика болезни Альцгеймера. Плюс возможность пообщаться с раз-

ными интересными людьми. Каждый – лучший в своей профессии.

– С чего взяли, что я подойду?

– Нам в команде как раз не хватает математика высокого полета. И молодой здоровой наглости.

– Я, вообще-то, курьер обычный. Обслуживающий персонал.

– На ямахе за четыреста тысяч... Выпускник мехмата и практически гроссмейстер...

– А наглость вы где увидели?

– У тебя она с положительным оттенком. Акцент на уверенности в совершаемых действиях, а не на их бесцеремонности. Согласен попробовать?

– Пока нет. Кто остальные четверо? По профессии и по должности?

– У нас не совсем типичный для клуба знатоков состав. Андрей – юридический факультет, частный детектив. Слава – МГУ ВМК, управление «К», специалист по IT-безопасности...

У Кречета в груди екнуло. Все силы приложил, чтобы скрыть волнение, но психолог, похоже, изменение настроения уловил. Однако задавать вопросов не стал – рассказал про оставшихся двоих. Историка и лингвиста. Об этих Кречет выслушал равнодушно.

– Ну что? Ты с нами?

В прежней жизни Кречет часто смотрел передачу. И за

минуту – на диване, правда, зато без возможности обсудить с коллегами – отвечал в среднем на один вопрос из трех. Юлька всегда поражалась и нежно говорила: «Мой гений!» Как удивительно, что тема знатоков не просто всплыла в новом его бытии, но и заиграла яркими красками!..

Значит, свыше предначертано.

– Да, я готов, – ответил уверенно.

– Хорошо. – Психолог довольно кивнул. – Но есть единственное условие. Мы, команда, должны быть откровенны друг перед другом. Поэтому я должен знать. Почему ты курьер. А не в офисе и не в костюме.

Кречет никому в новой жизни не раскрывал причину.

Но сейчас без сомнений сказал:

– Не вопрос. История эта давняя. И я в ней выгляжу довольно глупо...

Доктор

Проблемная пациентка, как ему сообщили, стала скандалить еще в машине скорой помощи. Когда поняла, что районный диспансер они давно миновали, но машина не останавливается. Сначала вежливо спросила, куда везут; потом орать начала и требовать, чтобы немедленно выпустили.

Врачи скорой в их цепочке не участвовали, поэтому он порадовался, что дамочка сразу повела себя неразумно. Хотя могла продемонстрировать хладнокровие, попасть – обычным порядком – в приемное отделение, а там категорически отказать согласие на госпитализацию подписывать.

Но муж характеристику верную дал: «Как поймет, что дело нечисто, вскипит молниеносно».

В психиатрии подобных умирляют быстро. Поначалу бригада пыталась успокаивать, но, когда пациентка пнула санитар в коленку и начала в окно долбасить, мигом скрутили и укольчик сделали. А он с чистой совестью позвонил в приемку и велел, чтобы сразу доставили в отделение, а документы они потом оформят, задним числом.

Первая в жизни инъекция психотропа обычно действует на больных эффективно. Сразу апатичными становятся, с любыми твоими аргументами соглашаются. Но девица оказалась крепким орешком. Пусть язык заплетался, продолжала орать, что здорова и ей обещали только таблетки выписать

от бессонницы. Однако повела себя снова немудро. В ответ на правильные слова лечащего совсем распсиховалась.

Прав был муж. Молода, горяча.

А в психиатрии оно как? Чем эмоциональнее споришь, тем серьезней получишь диагноз.

Эрик

В апреле Эрик позвал Лилию в очередной проект. Съемки недалеко, в Подмоскowie, но в последний момент сериалу резко урезали бюджет. На их гонорарах не отразилось, однако продюсер предупредил: в одну смену будут впахивать максимально. И чтобы никакого нытья типа «КЗоТ нарушен».

Лилия и не ныла. Но прежде на работе мобильник никогда даже не доставала. А сейчас несколько раз видел: читает сообщения, хмурится, торопливо отвечает. Спросил:

– Какие-то проблемы?

– А, сынок чудит, – отмахнулась. – В пубертат вошел.

– Пиво, девочки, «не хочу, не буду»?

– Не. У него свои заморочки. Система, понимаешь ли, душист. Кругом одни дураки. И в школе учат не тому и не так.

– Согласен на все сто! – Среднее учебное заведение Эрик до сих пор вспоминал с содроганием.

Телефон у Лилии снова завибрировал. Взглянула виновато (раньше всегда ставила в беззвучный режим), отошла. Как назло, администратор примчался:

– Примера к девочкам срочно!

Эрик не моргнул глазом:

– В туалете. Желудок расстроился. Отравили вы ее своим кинокормом. Так что пусть девочки сами.

Лилю за углом вагончика выцепил, приложил палец к губам, затащил внутрь. А на ней совсем лица нет.

– Что натворил? – спросил с сочувствием.

Она всхлипнула, но немедленно вытерла слезы. Однако губы дрожали:

– Я просто поверить не могу. С-статья 205. Т-терроризм.

– Что?! – Образ ботана-очкарика мигом разлетелся в осколки.

– Да бред, на самом деле. Училка у них вредная, давно не ладят. Сцепились в очередной раз. Из-за ерунды. Она его при всем классе унизила, а мой баран пообещал, что завтра с винтовкой придет и всех, кто над ним хихикал, перестреляет. Как тот паренек из Казани¹.

– У вас есть винтовка?!

– Ружье охотничье. К сожалению. Что ты так смотришь? Все официально: документы, сейф. Я для самозащиты купила, ну и так, развлекаться. По банкам стрелять. Но Филиппу не зашло, он вообще у меня не вояка. С тех пор и пылится ружьишко без дела, я хотела продать – руки не дошли. Но сейчас, конечно, начнется. Кто-то добрый про винтовочку доложил. А в школах теперь знаешь какие правила? О потенциальном террористе обязаны сообщать чуть ли не в ФСБ. Мне сейчас из полиции звонили. Требуют немедленно явиться домой и ружье предъявить.

¹ Паренек из Казани – имеется в виду Ильназ Галявиев, который убил восемь человек и приговорен к пожизненному заключению.

– А твой сын правда собирался всех перестрелять?

– Ну слушай! – обиделась она. – Болтун он просто. Каких свет не видывал.

Однако Эрик все равно уточнил:

– И сейчас твой сын один дома, а в сейфе – охотничье ружье?

– Фу, ну ты как они, косный! Не собирался он ни в кого стрелять! И ключ от сейфа у меня с собой!

– Тогда езжай срочно домой и успокаивай полицейских. – Он принял решение. – Я тебя прикрою.

На следующий день – грим в одиннадцать тридцать, «мотор» – в полдень. Лиля примчалась с опозданием в минуту. Бледная, глаза красные. Когда гример в стрессе, хорошей работы обычно не жди, но это оказалось не про железную леди: лицо ему нарисовала идеально. А пока вдохновенно украшала ссадинами и кровоподтеками (начинали сегодня со сцены после драки), поведала:

– Всю ночь не дом, а проходной двор. Обычная полиция, потом ФСБ, а к трем утра инспекция по делам несовершеннолетних пожаловала. У них, оказывается, тоже есть люди на суточном дежурстве, прикинь? Ружье на месте, сын раскаивается. Но все равно сказали, что поставят на учет. А школа заявила: без справки от психиатра на порог не пустят.

– Они такое право имеют? – удивился Эрик.

– У нас гимназия. – Лиля поморщилась. – Крутая. В нее очередь – полрайона. Так что придется по их правилам иг-

рать. Получим мы справку, в чем проблема? Я записалась. На завтра, к девяти. Надеюсь, к «мотору» успею.

— Буду кулачки держать, — пообещал он.

И подумал: ведь иные его дамы не просто намекали — руки выкручивали насчет ребеночка. Как хорошо, что не согласился!

К середине дня Лиля слегка очухалась, порозовела. Вечером произвела на площадке небольшой переполох: к ней явился курьер с букетом.

— Тайный поклонник? Я ревную, — улыбнулся Эрик.

Она спрятала в цветах довольное лицо, ответила нежно:

— От сына.

И продемонстрировала карточку.

— «Не дано легких путей от земли к звездам», — с выражением зачитал Шелепихин. — Хорошо завернул. Это он о чем?

— Это не он, а Сенека, — усмехнулась Лилия. — А имеет в виду свой гороскоп, так думаю. Я ему когда-то заказала, профессиональный. Там главная мысль: в жизни сын обязательно преуспее. Но не сразу. Прежде крови попортит изрядно. Ладно. Терпим. Ждем. Завтра, надеюсь, все закончится.

Разговор этот состоялся в конце смены.

А на следующую Лиля впервые не явилась. Позвонила за час:

— У меня форс-мажор. Замену нашла, не волнуйся. Хорошая девочка.

Эрик осторожно спросил:

– Сын снова начудил?

– Да при чем тут он! – взорвалась Лиля. – Все! Мне некогда! Потом расскажу!

Филипп Меркулов

Я думал, что придется ехать в диспансер на районе, но тащиться пришлось на другой конец Москвы. В какой-то «Городской центр психиатрической помощи несовершеннолетним». Главную, короче, детскую дурку.

– Почему туда?

– Понятия не имею, – буркнула madre. – В гимназии сказали, от них справка нужна.

Она ощутимо моросила, то и дело на часы косилась. Боялась опоздать на смену.

Когда-то – я помнил из далекого детства – редкостной пофигисткой была. Мы и в садик вечно в конце завтрака заявлялись, и в школу разрешала ко второму уроку. Но с каждым годом становилась все большей занудой и пунктуальностью своей доставала конкретно.

Я решил ее потроллить:

– Очередь будет *сто пуд*.

– Девочку нашла. Подстрахует, если что.

Мадре подрезал джигит на «приоре», и она от души вдавила клаксон. Не ее это – машину водить. Лучше б на такси погнали. Там хотя бы перетереть спокойно могли.

Я, как все нормальные пацаны, не особо был готов трещать по душам с мамкой, но сейчас созрел посоветоваться. Потому что сам не знал ответ на вопрос, какого хрена гро-

зился в школу с ружьем явиться. Вырвалось. Бесконтрольно. Баг у меня такой: вроде понимаю, что надо промолчать, но все равно несу конкретную лажу.

Мозгоправы запросто могут решить: это диагноз.

Был и еще секретик.

Хель. Моя отдушина. Моя подруга. Или – мой глюк?..

Хель – богиня из скандинавской мифологии. Я прочел о ней все – даже неоцифрованные книги из исторической библиотеки. Сжился с мифическим персонажем настолько, что снилась она мне каждую ночь. А потом и днем стала приходить. Не лично – в виде голоса в ухе.

Я задавал (понятное дело, не вслух, а в уме) какой-то вопрос. И Хель почти всегда мне отвечала. Иногда и по своей инициативе ситуацию комментировала. Могла посоветовать что-то. Поначалу я дико очковал, но потом подумал: «Ведь верующие, а тем более святые тоже с богом ведут диалог? Значит, и мне можно!»

Но, конечно, будет хреново, если кукушники про меня и про нее просекут. Насколько я понимал, по их меркам голоса в голове считаются шизофренией.

Буду, конечно, стараться фильтровать базар. Но тут смотри пункт один: мой баг – когда сначала ляпаю, а только потом думаю.

У madre бы взять совет – но она вся в движении дорожном, разве ей до моих заморочек? Саму поддержать надо, чем я всю дорогу и занимался. Факи другим машинам пока-

зывал без счету, хотя мать, по чесноку, всегда была сама виновата.

Молчание нарушил только на парковке:

– Лучше задом встань.

Вспылила:

– Без тебя разберусь.

Но сделала, как я сказал.

– А говоришь, все мужики – козлы, – буркнул я.

И, понятно, нарвался: обняла у всех на глазах, пришлось вырываться.

Центр помощи оказался огромным и довольно смешным: все корпуса разноцветные, будто кубики в детском саду. Амбулаторный прием проходил в желтом.

– Нелогично, – отметил я. – Такой цвет больше буйным подходит, а не для поликлиники.

Народу вокруг много – в основном мамашки с совсем маленькими детьми. Причем добрая половина из них походила на киношных зомби, а остальные или хмурые, или взвинченные, или орали-извивались. В регистратуру змеилась очередь. Мадре снова взглянула на часы.

Попробовал ее прогнать:

– Да езжай ты на работу! Я их очарую. В натуре.

– Нет. Я хочу тебя поддержать.

Понятно. Уверена: без нее не справлюсь.

По счастью, у кабинета ждать не пришлось – пригласили точно по времени.

Я вошел – и офигел.

Вместо старичка-психиатра с бородкой-клинышком оказалась целая приемная комиссия. Больше похожая на цирковую труппу, только почему-то в белых халатах.

На центральном месте, за столом у компьютера, восседал – сразу понятно – Главный Клоун. Выглядел он как натуральный дебил. Под распахнутым белым одеянием майка – охренеть! – с Микки Маусом и штаны, узкие до полной неприличности: ни один нормальный чел такие не наденет. На башке – медицинская шапочка с крокодильчиками. Типа он в детской больнице, нужно подход искать к маленьким пациентам. Я начал было с ходу ржать, но madre ткнула в бок. Хотя ее саму – я-то видел! – на хи-хи пробивало. Она вечно строит всю из себя правильную, но иногда проглядывает истинная суть.

Ладно, стал разглядывать остальных. А там еще кринжовей. Слева и справа от Айболита две тетки. Одна молодая, вторая старая, и по виду – конкретные опы²: друг на друга зыркают злобно. И с шефом у обеих походу замут: одна (та, что малая) глядит на него с экстазом, олдовая – с презрением. Любовный треугольник, что ли?.. А еще считается, будто психиатры абсолютно бесстрастными должны быть.

Эти трое – «партер»: в креслах развалились. Сзади – «амфитеатр». На стульчиках – пес их разберет кто: студенты или

² Оппа (от англ. *opp*, сокращение от *opponent* или *opposition*) – молодежное сленговое слово, обозначающее противника, соперника или врага.

практиканты – все с клипбордами и как на подбор очкарики. Вылупились на меня с несомненной опаской.

Я понимал: нужно скромно и с достоинством улыбнуться.

Но вместо этого зачем-то соорил им рожу.

Комментов не последовало. Главный изрек:

– Ну-с, молодой человек, с чем пожаловали?

Голос его оказался неожиданно писклявым.

Студенты дружно уткнулись в свои клипборды и принялись что-то записывать, хотя я пока и слова не сказал. Мадре взглянула тревожно, начала за меня:

– Это идея школы...

– Пусть юноша говорит, – оборвал ее Айболитишко.

– А чё тут говорить, – хмыкнул я. – Психологичка школьная докопалась. Типа, веду себя неадекватно. Требуется справка предъявить, что нормальный.

– Общепринятыми нормами манкируете? – проскрипела та из теток, что старая.

Пока я мысленно формулировал, как лучше ответить, всу-нулась молодая:

– Вам не нравится, как устроен мир?

Хель велела мне в ухо: «Скажи, что все нравится!»

Но на меня пялились как минимум двадцать пар прифигевших глаз – и с языка само собой сорвалось:

– Против мира ничего не имею. Но зубрить, кивать и задницы лизать – да, не люблю.

Кинул им пас: задавайте вопросы про школьные подвиги.

Но нет, не стали. Вместо этого узкоштаный сочувственно произнес:

– У вас есть ощущение или убеждение, что вы в чем-то необычайно одаренный, талантливый человек?

Я честно ответил:

– Ясен пень. В серую массу точно не вхожу.

Краем глаза увидел: madre встревожилась. Положила мне руку на колено, всунулась:

– Вы же знаете нашу школу. Там всех пытаются стричь под одну гребенку.

– Я разве предоставлял вам слово? – рыкнул на нее Крокодилчик и продолжил буравить меня глазенками из-под шапочки: – У вас есть убеждения, которые кажутся окружающим необычными, причудливыми?

– Тут вы правы, я не по мейнстриму. – Чего еще отвечать, если у них моя школьная характеристика?

– Чем выделяетесь? – заинтересовалась олдовая.

Хотелось мне рассказать про Хель и про то, что лучше меня в скандинавской мифологии никто в школе не разбирается, но решил менее стремный вариант:

– По ночам люблю один в лесу гулять. Сенеку цитирую. Один из студентов не удержался:

– В натуре? Сенека нравится?

Я хмыкнул:

– Да не. Доклад про него делал. А память хорошая. Залипло кое-что. Теперь есть возможность попонтиться.

Айболитик строго велел:

– Продолжайте, Меркулов.

– Ну... Первый концерт Чайковского однажды выслушал.

От начала и до конца. Зашло нормально. И вуз выбрал актерский. «Неподходящий для мужчины», – спародировал скрипучий голос нашей школьной психологички.

– Кто ваш любимый писатель? – заинтересовалась пожилая.

– По приколу говорю, что Сенека. Но по правде – Лермонтов.

Студенты из «амфитеатра» смотрели как на полного дауна. Молодая прихлебательница сочувственным тоном произнесла:

– Похоже, вы действительно не вписываетесь в традиционные рамки.

Я ухмыльнулся:

– Лермонтов – как и его Печорин – в них тоже не вписывались. Но это им не помешало свое место в истории занять.

– То есть вы, как Печорин, – вцепилась старая карга, – противопоставляете себя всему миру?

– А разве подростки бывают другими? – опять вставила комментарий madre.

– Боже! – Главный закатил глаза к потолку. – Парню практически восемнадцать лет! Позвольте ему самому отвечать!

Я и ответил:

– В определенной степени – да, противопоставляю.

– Вы лучше, хуже или вы – просто иной? – влез какой-то дрищ из «амфитеатра».

– В плане оценок – хуже. Мне банально плевать на это дерьмо.

– А в чем лучше?

– Да хотя бы в том, что вижу, чего не видят другие.

– Что, например? – вкрадчиво спросил Крокодилчик.

Выглядело так, что ему реально интересно. И хотя Хель кричала в ухо, что нужно молчать, меня понесло:

– Ну вот взять нашу классную. На словах называет исключительно «котики» или «деточки». Хотя на самом деле хочет, чтобы мы побыстрее сдохли в муках. Все. Даже ее якобы любимые отличницы.

Молодняк за спинами врачей смотрел на меня с настолько неприкрытым интересом, что я добавил вишенку на торт:

– И никто не видит змей вместо ее волос. Но достаточно слегка расширить сознание, чтобы понять: типичная горгона Медуза.

– Постойте-постойте. – В голосе Главного зазвучал просто жгучий интерес: – А эти змеи – они как выглядят?

– Типа гадюк. Серенькие такие.

– Филя, заткнись! – Мадре совсем забыла о приличиях.

Блин, а она ведь права.

В классе-то давно знали: когда Фил Меркулов втирает дичь – это в целом обыденно и не означает, что я крейзанутый. Только новенькие поначалу обалдевали. Но эти-то меня

впервые в жизни видят! И по профессии они – мозгоправы.

Я спешно дал задний ход:

– Не в том смысле, что я реально вижу змеюк. Я вызываю их – исключительно в своем воображении.

– А змеи себя как ведут, когда вы их представляете? Просто смотрят – или, к примеру, шипят? Пытаются напасть? – спросила вдруг карга.

– Они и ядом брызжут, и укусить могут.

Я встретил отчаянный взгляд мадре и поспешно добавил:

– То есть я их себе представляю такими. Когда фантазирую. В реальности никаких змей, понятное дело, не существует.

«Поздно, Фил», – шепнула мне в ухо Хель.

– Придумывает человек, понимаете? – вставила мадре очередную ремарку.

В этот раз «главарь» ее обрывать не стал. Сказал примирительно:

– Хорошо, давайте оставим змей. Скажите, Филипп, вам приходилось видеть какие-то еще необычные вещи? Например, грозу посреди солнечного дня? Таинственное свечение в небе глубокой ночью? Или, может быть, у вас есть ангел-хранитель? И он что-то нашептывает вам в ухо?

«Не рассказывай обо мне!» – испугалась в моей голове Хель.

И я горячо – возможно, излишне горячо – начал уверять врачей, что сроду у меня не было никаких глюков. И голосов

тоже.

– Хорошо. А как насчет интуиции? Случалось так, что вы знали: сейчас, допустим, произойдет что-то плохое? И оно действительно происходило?

Я снова вспыхнул:

– Блин, вы что, не читали законы Мерфи? Когда дела идут хорошо, что-то плохое должно обязательно случиться в самом ближайшем будущем! И да, когда я чувствую, что сейчас будет лажа, она всегда происходит. Для этого обязательно, что ли, быть психом? Лермонтов, если вы не в курсе, предсказал революцию, гражданскую войну, голод и тирана у власти. Только никто его в сумасшедшие не рядил.

– Вы хорошо знакомы с творчеством этого писателя? – мягко спросила пожилая докторша.

– Да. Но только не с тем, что в школе дают. Вот там – настоящий бред. Клинический. Писали в девятом классе сочинение. Тема – просто отпад. «Любовь к жизни в творчестве Лермонтова». Это ведь надо такое придумать? Какое, к черту, жизнелюбие, если человек уже в шестнадцать написал: «Пора туда, где будущего нет, / Ни прошлого, ни вечности, ни лет». А в двадцать шесть – с собой покончил.

– Что за чушь! Лермонтова на дуэли убили! Этот, как его... Мартынов! – возмущенно выкрикнула девица из-за спин врачей.

Я взглянул снисходительно:

– Милая дама, почитайте источники. На дуэли Лермонтов

должен был стрелять первым – только намеренно пустил пулю в воздух. А дальше спокойно ждал своей смерти. Он хотел умереть. И заранее знал, что умрет молодым. И предсказал свою гибель. «В полдневный жар в долине Дагестана / С свинцом в груди лежал недвижим я; / Глубокая еще дымилась рана, / По капле кровь точилась моя».

– И вы одобряете его поступок? – поинтересовалась молодая врачиха.

– По крайней мере, понимаю. Лучше умереть молодым под звездным небом, чем от инсульта в душной палате.

– Вам самому хотелось умереть?

Хель предлагала мне постоянно, но рассказывать об этом, я понимал, нельзя. Поэтому решил пошутить:

– Прочекал все три крюка в квартире, но подходящего не нашел. Все какие-то хлипкие.

Озадачить целую свору психиатров у меня получилось: в кабинете повисло томительное молчание. И смотрели они одновременно с ужасом и с восторгом.

Так что я повел свой монолог дальше:

– Люди боятся смерти исключительно от невежества. А Сенека считал: смерть – это благо. Она освобождает от боли, болезни и старости, позволяет душе обрести покой. Боятся умереть лишь те, кто не понимает истинной природы смерти и слишком привязан к земным кэшам, шмотам и прочим профитам.

Тишина искрила – как во МХАТе за секунду до грома ап-

лодисментов. Но молодая помощница Главного разрушила магию:

– Филипп, а ты сам пытался когда-нибудь умереть?

– Нет. Хотя Хель и уверяет меня, что в ее владениях совсем не страшно.

– Кто?! – пискнула врачиха.

Та, что постарше, пояснила:

– Это из скандинавской мифологии. Дочь бога Локи и великанши Ангрбоды. Правительница Хельхейма. Ты с ней знаком?

– Да. – Я покосился на перепуганное матушкино лицо и поспешно добавил: – Я ее во сне часто вижу. И никакая она, кстати, не двулика, а красивая, с грустными глазами. И руки у нее нежные. Мы вместе спускаемся в ее царство, и там все абсолютно нормально.

– А голос ее ты слышишь? – уточнил Главный.

– Когда сплю – да. В реальности – никогда, конечно.

Хель – в моей голове – рассмеялась. Нежно, словно колокольчик. Но я упорно повторил:

– Никогда при свете дня ее не видел и с ней не разговаривал.

Троица за столом переглянулась. Молодая убежденно кивнула, взрослая помотала головой, что-то шепнула шефу. Слух у меня – огонь, так что разобрал: «Истерическая демонстративность. Невротические признаки. Не основания».

– Только отвечать за последствия я буду. Не вы, – раз-

драженно ответил «главарь» в шапочке с крокодилчиками. А дальше встал и внушительно объявил:

– Вот что, Филипп. Мы хотим тебя понаблюдать.

– В смысле? – опешил я. – На учет, что ли?!

– У нас в стране давно нет учета, только консультативное или диспансерное наблюдение, – заученно отбарабанила его молодая подлипала. – Но речь сейчас не про диспансер. Вам, милый юноша, настоятельно рекомендуется для начала полежать в больничке.

– Да идите вы в лес!

Маме тоже разгорячилась, вскочила:

– Вы издеваетесь?! Какая больница?! Не можете отличить фантазера от настоящего психа?!

– Гражданочка, – устало обернулся к ней Главный, – разграничить креативное мышление и бредовые фантазии мы как раз прекрасно умеем.

– Что ли, не понимаете? Филя – артист, в театральный собирается поступать. И он просто в вас во всех аудиторию увидел! Дурака валял! Спектакль разыгрывал! Да и что криминального он рассказал? Можно подумать, вам самим никогда ерунда не снится!

– В дурку не пойду, короче, – подытожил я.

Маме подхватила:

– Ни сын, ни я согласия на госпитализацию подписывать не будем.

– А вас никто не спрашивает. Тут статья двадцать девятая.

Пункт «а» в наличии. Непосредственная опасность для себя или окружающих, – важно сказала молодая.

А Крокодилчик добил:

– И пункт «вэ» тоже. Если мальчик будет оставлен без психиатрической помощи, его здоровью может быть причинен существенный вред вследствие ухудшения психического состояния. Вы-то хоть имейте разум, мамочка. Тут и бредовые идеи, и суицидальные мысли во всей красе.

Пожилая промолчала. Лицо, я приметил, возмущенное. Но спорить не осмелилась.

А «главарь» нажал на столе кнопку (прежде я ее не приметил) и приказал:

– Вызовите охрану. В триста восьмой кабинет.

Доктор

– Ты ответишь! За все ответишь! Сколько тебе Артем заплатил?

– Маргарита Валентиновна, успокойтесь, пожалуйста. Вы здесь исключительно для того, чтобы получить профессиональную помощь!

– Дурам из Бирюлева про помощь втирай! А я тебе такую ответку устрою – мало не покажется! Бабла хватит, не сомневайся.

– Маргарита Валентиновна, знали бы вы, сколько я слышал подобных угроз...

– Ты меня с шизофреничками не равняй! И прогнать не надейся! За все ответишь! За каждый укол! Я свои права знаю!

– Людочка, позови, пожалуйста, санитаров.

– Только попробуй, скотина!

В голосе пациентки – ни грана страха. Откуда столько в себе уверенности – у девятнадцатилетней девчонки? И тем более когда за ней захлопнулась дверь острого психиатрического отделения?!

Когда ее зафиксировали, инъекцию врач сделал лично. Сопротивлялась Маргарита Валентиновна до последнего. Вязки плотно прикрепили к койке, голова откинута, держат за волосы – все равно извивается, пытается вырваться, ляг-

нуть, плюнуть.

Когда пациентка утихла, он велел медсестре Людочке:

– Чаю мне принеси.

В обязанности среднего медперсонала это не входило, но та с готовностью кивнула:

– Сейчас организую.

Врач отправился в свой кабинет.

Однако медсестра, вместо того чтобы мчаться кипятить чайник, задержалась в надзорной палате. Вытащила – в нарушение правил асептики – шприц прямо из кармана халата, без всяких перчаток вскрыла упаковку со спиртовой салфеткой.

Когда ей в вену вонзилась игла, Маргарита Валентиновна простонала что-то матерное.

– Спи, спи, – успокоила ее Людочка.

Пациентка не унималась, бормотала:

– Козел!.. Гнида!..

– Полностью с тобой согласна, – согласилась Людмила. Надела на иглу шприца колпачок, вернула в карман халата.

Надо быстренько перелить кровь в пробирку и отправить на анализ. Впрочем, в его результате медсестра почти не сомневалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.